

ПУТЬ
СОЛДАТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ СОЛДАТОВА

КНИГА 3

18+

Alexander Grigoryev

Александр Григорьев
Становление
Солдатова, книга 3
Серия «Путь Солдатова», книга 4

*<https://litres.ru/73550634>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Он стал графом, мужем и отцом. Гарем из тридцати шести жён, власть над губернией и охота на нечисть. Но покой только снится: столица ждёт своего героя. Сумеет ли Дмитрий Вронский сохранить семью и найти себя при дворе царевича?

Содержание

ПРОЛОГ: Замысел	4
ГЛАВА 1: Рождение, смерть для рода Олениных и новое имя	14
ГЛАВА 2: Удочерение Лизы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Григорьев

Становление

Солдатова, книга 3

ПРОЛОГ: Замысел

Часть 1. Совет у графини

За окнами имения графини Анны Ильиничны мела метель, но в кабинете было жарко натоплено. Огонь в камине плясал, бросая золотистые блики на стены, обитые тёмно-зелёным шёлком, на бесчисленные корешки книг в дубовых шкафах, на тяжёлые портьеры. Графиня сидела в своём любимом кресле с высокой спинкой – женщина, чей возраст выдавали лишь серебряные нити в тёмных волосах да тонкая сеть морщин у глаз. Руки её, унизанные перстнями, лежали на разложенной карте губернии. Карта была испещрена пометками, а поверх неё графиня разложила несколько листов – списки дворянских родов, письма, какие-то выписки.

Напротив неё, на диване, обитом малиновым бархатом, сидели две женщины. Ольга Павловна – та самая барыня, что два года назад выписывала из деревни «материал» и вылепила из него человека, ныне покоилась в кресле с видом хозяйки, привыкшей к тайным советам. Рядом с ней, ближе к

камину, притулилась Лизавета – та самая Лиза, что когда-то была забитой приживалкой, а теперь, после всех ритуалов и удочерения, носила фамилию графини и именовалась официальной наследницей. Но в душе она всё ещё оставалась той робкой девочкой, что боялась поднять глаза.

Графиня обвела их долгим взглядом, задержалась на Лизе, потом перевела глаза на Ольгу.

– Вы знаете, зачем я вас позвала, – начала она без предисловий. Голос её звучал ровно, но в нём чувствовалась та властность, которая заставляла трепетать даже губернаторов. – Дело не терпит отлагательств. Род наш на краю гибели.

Лиза вздрогнула. Ольга осталась невозмутима – она уже догадывалась, к чему клонит графиня.

– У меня есть сыновья, – продолжала графиня, водя пальцем по карте. – Трое. Все здоровы, все пристроены. Но в этом-то и беда. Они ушли в другие роды. Дети их носят чужие имена, чужие гербы. Для моего рода они – пустоцветы.

Она помолчала, глядя на огонь. В камине треснуло полено, посыпались искры.

– А единственная дочь... – голос графини дрогнул, но лишь на мгновение. – Вы знаете её историю. Машенька была красива, умна, но в ней поселился бес. Она не могла насытиться. Конюхи, гости, собственные кузены – все прошли через её постель. Я застала её в таких местах и с такими людьми, что до сих пор стыдно вспоминать. Пришлось постричь. В монастыре она хотя бы не позорит род.

Лиза побледнела. Она слышала эти слухи, но никогда не думала, что графиня заговорит об этом вслух.

– Теперь вы понимаете, – графиня резко повернулась к ним, и глаза её горели холодным огнём, – почему вы – мой единственный шанс. Ты, Лиза, носишь мою кровь. Ты чиста, не испорчена, и при этом одинока. Я удочерю тебя – официально, с документами, с благословения церкви. Ты станешь моей наследницей.

Лиза открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

– А твой Митяй, – графиня перевела взгляд на Ольгу, – он уже не Митяй. Его усыновит Оленева. Он станет Дмитрием Олениным, дворянином. Но этого мало. Он должен войти в наш род. Через тебя, Лиза. Вы поженитесь, и тогда...

– Гарем, – тихо сказала Ольга. – Вы хотите гарем.

Графиня усмехнулась уголками губ:

– Умница, Ольга. Всегда понимала меня с полуслова. Да, гарем. Дочери знатнейших родов губернии. С каждой я уже веду переписку. Их матери жаждут породниться с нами. Твоему Дмитрию, Лиза, предстоит стать осеменителем рода. Его дети свяжут враждующие семьи. Через двадцать лет в жилах половины дворян губернии будет течь его кровь.

Лиза побелела так, что веснушки на носу стали видны отчетливее.

– Но... как же я? – выдавила она. – Он же... мой...

– Он твой муж, – твёрдо сказала графиня. – И останется им. Но ты станешь не просто женой. Ты станешь матриархом.

Главной. Первой среди равных. Все эти девушки будут под тобой. Они будут рожать ему детей, а ты будешь править. Ты – моя наследница, Лиза. Твоя власть будет безгранична.

Лиза смотрела на неё расширенными глазами, пытаясь осмыслить услышанное. Ревность и страх боролись в её душе с проблеском гордости. Она – матриарх? Она, бывшая приживалка?

– Я... я не знаю... – прошептала она.

– Поэтому я и позвала Ольгу, – графиня кивнула на барыню. – Она тебя научит. Всему, что знает сама.

Ольга чуть наклонила голову, принимая поручение.

– Лиза, милая, – голос Ольги был мягок, как тёплый платок, – это трудно принять сразу. Но подумай: что ждёт тебя без этого? Ты останешься просто женой при муже, который рано или поздно заскучает. А здесь ты станешь хозяйкой целого мира. Твои дети будут править губернией. Разве это не стоит жертвы?

Лиза молчала, глядя на огонь. В камине плясали языки пламени, и в их танце ей чудились лица – множество женских лиц, тянущихся к её Митяю. Сердце сжималось от боли, но где-то в глубине уже зарождалось другое чувство – холодное, расчётливое, почти мужское. Она будет главной. Они будут под ней.

– Я... попробую, – выдохнула она.

Графиня удовлетворённо кивнула.

– Умница. А теперь оставьте меня. Мне нужно писать

письма.

Часть 2. Реакция Лизы

Они вышли в коридор. Лиза двигалась как во сне – ноги не слушались, в голове шумело. Ольга взяла её под руку и повела в свои покои.

– Посиди, – сказала она, усаживая Лизу на софу. Сама налила в два бокала тёмного вина из графина, стоявшего на столике. – Пей. Легче станет.

Лиза взяла бокал, отпила глоток. Вино обожгло горло, но внутри действительно чуть отпустило.

– Я не смогу, – прошептала она. – Я же люблю его. Как я буду делить его с другими? Каждую ночь знать, что он... с ними?

Ольга села рядом, обняла её за плечи.

– Я понимаю. Правда понимаю. Но посмотри на это иначе. Ты будешь его главной женой. Той, к кому он всегда вернётся. Той, с кем он будет говорить по душам. Той, кто родит ему наследника. Все эти девушки – просто сосуды. Они родят ему детей, но ты будешь его любовью.

– А если он полюбит одну из них? – Лиза подняла заплаканные глаза.

Ольга усмехнулась:

– Милая, ты плохо знаешь мужчин. Митяй – особенный. Его вылепила я. В нём слишком много меня, чтобы он променял тебя на кого-то другого. Но даже если... ты будешь матриархом. Ты сможешь удалить любую, кто станет опасна.

Тихо, без шума, по закону.

Лиза вздрогнула. В голосе Ольги прозвучала сталь, которой она раньше не замечала.

– Ты станешь сильной, – продолжала Ольга. – Я научу тебя. Ты научишься управлять не только гаремом, но и мужчинами. Это великое искусство. Твоя графиня права – ты рождена для этого.

Лиза молчала долго, глядя в бокал. Вино плескалось тёмной гладью, и в ней тоже чудились лица.

– А он знает? – спросила она наконец.

– Пока нет, – честно ответила Ольга. – Но узнает. И примет. Потому что он тоже не дурак. Он понимает цену власти.

Лиза допила вино залпом, поставила бокал на столик. Внутри разгоралось странное пламя – не то гнев, не то решимость.

– Хорошо, – сказала она твёрже, чем ожидала. – Я согласна. Но я хочу, чтобы он знал: я делаю это ради него. Ради нашего будущего. И если он когда-нибудь посмеет меня предать...

Она не договорила, но Ольга поняла. Улыбнулась, погладила её по голове, как маленькую.

– Умница. Из тебя выйдет толк.

Часть 3. Графиня пишет письма

Графиня осталась одна. В камине догорали угли, но она не звала слугу, чтобы подбросить дров. Любила этот час – когда дом затихал, когда можно было остаться наедине с мыслями.

Она подошла к секретеру, откинула крышку. В ящичках лежали стопки бумаги, конверты, сургуч, печати. Графиня достала чистый лист, обмакнула перо в чернильницу.

Первое письмо – Оленевой.

«Милостивая государыня Екатерина Дмитриевна!

Пишу вам по важному делу, касающемуся не только наших родов, но и упокоения души вашего незабвенного сына Михаила. Судьба послала мне человека, который может стать для вас утешением и опорой. Молодой дворянин, носящий то же имя – Дмитрий, – ищет материнского благословения и готов принять ваше имя как родное. Если вы согласитесь усыновить его, он станет для вас истинным сыном, почтит вашу память и примет ваше наследие. Я беру на себя все хлопоты по устройству сего дела, вам же останется лишь согласиться и принять участие в священном ритуале...»

Она писала медленно, тщательно обдумывая каждое слово. Надо было не спугнуть, не оскорбить, но и не оставить сомнений. Оленева – женщина убитая горем, ей нужна не сделка, а чудо. Графиня обещала ей это чудо.

Закончив первое письмо, она отложила его в сторону и взяла новый лист.

Второе письмо – полковнику Н., командиру того полка, куда по закону должен был быть приписан Дмитрий как вновь испечённый дворянин.

«Милостивый государь!

Довожу до вашего сведения, что мой названный сын, граф Дмитрий Оленин, после тяжёлой болезни (последствия ранения, полученного при защите наших земель от нечисти) находится на излечении и по предписанию врачей нуждается в длительном отдыхе. Покорнейше прошу вас предоставить ему отпуск сроком на год для полного восстановления сил. К сему прилагаю свидетельство от лекаря (коим, разумеется, обзаведёмся) и заверяю, что по истечении срока он явится в полк в полном здравии...»

Графиня усмехнулась, выводя завитушки. Полковник был должен ей пару услуг, да и взятку она приложит немалую – отступные за год службы. Деньги решают многое, а в армии – особенно.

Третье письмо – губернскому епископу, владыке Феофану.

«Ваше Преосвященство!

Взываю к вашей пастырской мудрости и прошу благословения на ряд священных ритуалов, кои должны укрепить наши роды и послужить ко благу всей губернии. Речь идёт об усыновлении (по древнему обычаю) и о церковном браке, а также об удочерении. Покорнейше прошу прислать двух поверенных батюшек, кои засвидетельствуют таинства и благословят новые союзы. Оставляю за собой право достойно одарить церковь за труды...»

Епископ был человеком умным и покладистым, особенно когда дело касалось щедрых пожертвований. Графиня знала, что откажет он редко.

Четвёртое и пятое письма – двум нотариусам, которые вели дела в губернии.

«Милостивый государь!

Приглашаю вас прибыть в моё имение для участия в важных юридических процедурах: усыновления, удочерения и бракосочетания. Прошу иметь при себе все необходимые бланки и печати. О щедром вознаграждении можете не беспокоиться – оно последует незамедлительно по завершении дел...»

Она перечитала все письма, осталась довольна. Каждое было выверено, каждое обещание – взвешено. Оставалось только отправить.

Графиня вызвала слугу.

– С первыми петухами отправишь самых быстрых гонцов. Сначала к полковнику – это срочно, потом к епископу, потом к нотариусам, и последнее – к Оленевой, но с особой бережностью. Скажи гонцу, чтобы ждал ответа, если понадобится.

Слуга поклонился, забрал стопку писем и исчез за дверью.

Графиня подошла к окну. Луна заливала сад холодным светом, тени деревьев лежали на снегу причудливыми узорами. Где-то там, в губернии, жили её сыновья, не подозре-

вающие, что их мать затевает переворот. Где-то в монастыре томилаь безумная дочь. А здесь, под одной крышей с ней, спали Лиза и Митяй – её последняя надежда.

– Благослови вас Праматерь, – прошептала она. – Или кто там ещё есть на небесах.

Огонь в камине догорал, но графиня не чувствовала холода. Внутри горел огонь посильнее – огонь азарта, огонь игры, огонь возрождения рода.

Она усмехнулась своим мыслям и направилась в спальню. Завтра будет новый день, полный хлопот. А сегодня можно и отдохнуть.

ГЛАВА 1: Рождение, смерть для рода Олениных и новое имя

Часть 4. Поездка к Оленевой

Карета мерно покачивалась на ухабах зимней дороги. За окном тянулись бескрайние снежные поля, кое-где перечеркнутые чёрными лентами замёрзших речушек да тёмными пятнами деревенок. Митяй сидел, привалившись к стенке, и смотрел в окно, но видел не пейзаж, а своё отражение в мутном стекле – и то, что за ним.

Ольга расположилась напротив, рядом с графиней. Барыня вполголоса обсуждала какие-то хозяйственные дела, но Митяй не вслушивался. Мысли его были далеко.

«Дмитрий Оленин, – повторял он про себя. – Дворянин. Сын вдовы, которую даже не видел никогда, будущий граф».

Воспоминания о прошлом накатывали волнами. Мать, Анисья, с её вечно усталыми руками и тёплым взглядом. Отчим, пьяный Степан, которого он однажды остановил оглоблей. Бабка Шептунья на болоте, страшная и мудрая. Девки в бане, которых он обслуживал как «бычок», пока не потерял счёт. А потом – Ольга, её игры, её уроки, её постель. И Лиза. Лиза, которая ждала его дома.

– О чём задумался? – голос Ольги вырвал его из оцепенения.

Митяй повернулся. Графиня тоже смотрела на него – внимательно, оценивающе.

– О будущем, – ответил он коротко.

– Правильно, – кивнула графиня. – О будущем сейчас и надо думать. Прошрое оставь тем, у кого его много.

Ольга чуть наклонилась вперёд, понизив голос:

– Слушай внимательно. Ритуалы, которые предстоят, не простые. Здесь ты умрёшь для одного рода и родишься для другого.

Митяй нахмурился:

– Мой старший брат умер, перед тем как его забрали в другую деревню. И рождался... в печке... но этого не помню, мать тихонько рассказывала.

– Здесь ты станешь частью рода, – вмешалась графиня, – Олениных, через метрику. Юридически. А потом умрёшь для них, чтобы освободиться. Это сложнее, но и важнее.

– Как в печке, я появлюсь. Как старший брат, умру. Умру, чтобы перейти в ваш род, – понял Митяй.

– Ты понял, – похвалила Ольга. – В роду Олениных ты был бы обязан их женской общине. Ты стал бы их сыном, а значит, подвластным их матриархату. После смерти ты освобождаешься от этих обязательств. Ты остаёшься с именем, но без долга. Понимаешь?

Митяй помолчал, переваривая. Потом кивнул:

– Понимаю. Имя остаётся, долг уходит.

– Именно, – графиня одобрительно прищурилась. – Ты

быстро схватываешь. Ольга хорошо тебя выучила.

Ольга чуть улыбнулась, но в улыбке этой была грусть. Её творение уходило в самостоятельное плавание. Что ж, такова судьба всех творцов.

Карета свернула с тракта на просёлочную дорогу, заметённую снегом. Колеса заскрипели глубже, лошади пошли шагом. Впереди показались крыши деревенских изб, а за ними – на пригорке – усадьба. Небольшая, но крепкая, с мезонином и двумя флигелями.

– Имение Оленевой, – сказала графиня. – Скоро оно станет твоим. Вернее, не твоим, но ты будешь им управлять.

– Через Лизу? – догадался Митяй.

– Умница, – повторила графиня. – Через Лизу. Она – моя наследница, а я получу земли в дар. Формально они будут принадлежать нам, а ты – наш муж и управитель. Но крестьяне будут видеть в тебе хозяина. Это главное.

Карета остановилась у ворот. Митяй вышел, огляделся. Морозный воздух обжёг лёгкие, запахло дымом из труб и ещё чем-то неуловимо знакомым – деревней. Той, откуда он ушёл три года назад.

– Идём, – Ольга взяла его под руку. – Время не ждёт.

Часть 5. Встреча с Оленевой

В доме их встретила тишина. Не та уютная тишина жилого дома, где за стеной слышны голоса прислуги, а мёртвая, давящая. Слуги двигались бесшумно, говорили шёпотом. В гостиной было сумрачно – шторы задвинуты, лишь несколь-

ко свечей горели на каминной полке.

Оленева сидела в кресле у камина, закутавшись в шаль, хотя в комнате было тепло. Женщина лет сорока пяти, когда-то, видимо, красивая, но теперь осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами и бесконечной печалью во взгляде. При виде гостей она поднялась, сделала шаг навстречу и замерла, вцепившись пальцами в край шали.

– Анна Ильинична, – голос её дрогнул. – Вы приехали. Я уж думала... не дождусь.

– Екатерина Дмитриевна, – графиня подошла, взяла её руки в свои. – Я же обещала. Вот, привезла его.

Она отступила, открывая Митяя. Оленева уставилась на него с таким выражением, будто перед ней стояло привидение. Митяй стоял неподвижно, давая себя рассмотреть. Высокий, широкоплечий, с твёрдым взглядом серых глаз. Он знал, что производит впечатление, – Ольга научила его этому.

– Господи... – выдохнула Оленева. – Глаза... У Мишеньки были такие же глаза. Серые, с тёмными крапинками...

Она шагнула ближе, протянула руку, но не коснулась, будто боялась, что видение исчезнет.

– Как тебя зовут? – спросила она шёпотом.

– Митя, – ответил он спокойно. – Пока ещё Митя. Но вы можете звать меня как хотите.

– Дмитрий... – повторила она. – Дим был Дмитрием... Мой Димочка...

Слёзы покатались по её щекам. Она не вытирала их, просто смотрела на него и плакала. Митяю стало не по себе. Он не привык к такой открытой боли.

Графиня взяла ситуацию в свои руки. Подвела Оленеву обратно к креслу, усадила, сама села рядом. Ольга пододвинула стул Митяю, и он сел напротив, стараясь выглядеть подобающе.

– Екатерина Дмитриевна, – начала графиня твёрдо, но мягко, – вы знаете, зачем мы приехали. Я предлагаю вам выход. Не просто утешение, а настоящее возвращение. Этот молодой человек готов стать вашим сыном. Не по крови, но по закону и по сердцу.

– Как? – Оленева подняла заплаканные глаза. – Разве такое возможно?

– Возможно, – кивнула графиня. – Есть древний ритуал усыновления. Вы станете его матерью перед Богом и людьми. Он получит имя вашего сына, вашу фамилию, ваше наследие. И будет чтить вашу память до конца своих дней.

Оленева снова посмотрела на Митяю. В её взгляде мешались надежда и страх.

– А ты... ты согласен? – спросила она. – Взять имя моего мёртвого мальчика? Жить с этим?

– Я согласен, – ответил Митяй, и в голосе его прозвучала та простота, которая была убедительнее любых клятв. – Я знаю, что такое терять. У меня мать в деревне осталась, я её редко вижу. Если могу дать кому-то утешение – почему нет?

Оленева заплакала снова, но теперь уже тише, как-то облегчённо.

– Хорошо, – выдохнула она. – Я согласна. Делайте что нужно.

Графиня удовлетворённо кивнула.

– Завтра начнём приготовления. Сегодня вы познакомитесь поближе. Дмитрий, побудь с Екатериной Дмитриевной, расскажи о себе. Без утайки, она должна знать.

Митяй кивнул. Графиня и Ольга поднялись, оставляя их вдвоём.

Часть 6. Осмотр усадьбы Оленевой

Утро выдалось морозное, но солнечное. После завтрака Оленева предложила показать Митяю владения. Графиня осталась в доме – ей нужно было обсудить с нотариусом детали, – а Ольга вызвалась сопровождать их.

Они вышли во двор, где уже ждали сани, запряжённые парой сытых лошадок. Митяй помог Оленевой сесть, сам устроился рядом, укутавшись в тяжёлую медвежью полость. Ольга села напротив.

Поехали по замёрзшей дороге мимо спящих полей. Оленева оживилась, показывая:

– Вон там, за лесом, наша лучшая пашня. В прошлом году рожь уродилась – загляденье. А здесь, справа, луг заливной, летом травы по пояс. Скотина наша там пасётся, молоко жирное даёт.

Митяй смотрел и слушал вполуха. Земли были хорошие,

это он понимал. Но мысли его занимало другое.

Они проехали несколько деревенок. В одной из них, когда сани замедлили ход, он увидел мальчугана. Тот стоял у околицы, провожая сани взглядом. Лет трёх-четырёх, в стареньком тулупчике, из-под шапки выбивались русые вихры. А глаза... глаза были серые, с тёмными крапинками. Точь-в-точь как у него самого.

Сердце Митяя ёкнуло, замерло на мгновение, потом забилось часто-часто. Он узнал бы этот взгляд из тысячи. Его взгляд. Его кровь.

Сани проехали мимо, мальчуган скрылся за поворотом. Митяй обернулся, но увидел только пустую дорогу.

– Что-то не так? – спросила Ольга, заметив его напряжение.

– Нет, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Показалось.

Ольга посмотрела на него долгим взглядом, но ничего не сказала. Только чуть заметно кивнула, будто подтверждая какую-то свою мысль.

Вечером, когда они вернулись в усадьбу, Ольга отвела его в сторону.

– Ты видел мальчика, – сказала она не вопросом, а утверждением.

Митяй промолчал, но она и так знала.

– Твой, – сказала Ольга. – Я тоже заметила. Глаза не спутаешь.

– Что мне делать? – спросил он глухо.

– Ничего, – твёрдо ответила она. – Сейчас – ничего. Ты не можешь признать его, не можешь забрать, не можешь даже назвать своим. Ты ещё сам никто. Станешь тем, кем должен стать, тогда и подумаешь. А пока – забудь. Потом.

Митяй сжал кулаки, но кивнул. Она права. Сейчас не время.

– Их много? – спросил он тихо.

– Не знаю, – честно ответила Ольга. – Но думаю, по всей губернии твоих детей бегают немало. Ты же «бычком» работал исправно. Это твой актив, Митяй. Твоя будущая армия. Но это потом. Сейчас – ритуал.

Он кивнул и пошёл готовиться к ночи.

Часть 7. Подготовка к усыновлению

В доме Оленевой к вечеру собрались женщины рода. Их было немного – соседки, дальние родственницы, старая нянька, помнившая ещё покойного Михаила младенцем. Все в тёмных одеждах, с суровыми лицами. Они смотрели на Митяя с любопытством и недоверием.

В горнице, где обычно проходили семейные торжества, установили большую деревянную лохань. Слуги носили горячую воду, ведрами, с паром. В углу тлели угли в жаровне, и батюшка, приехавший по вызову графини, разводил ладан.

– Раздевайся, – велела Ольга.

Митяй стянул рубаху, портки, остался голый посреди комнаты. Женщины зашептались, кто-то одобрительно хмык-

нул. Он стоял, не прячась, глядя прямо перед собой. Ольга учила его: в такие моменты стыд – лишнее. Это не плоть, это ритуал.

Оленева подошла с длинным полотенцем, сама окунула его в горячую воду, начала обтирать Митяя. Руки её дрожали, но двигались уверенно, будто делали это тысячи раз.

– Смываем старое, – бормотала она. – Смываем чужую кровь, чужую жизнь, чужую мать. Чтобы новый родился, чистый, как младенец.

Женщины подхватили причитания. Их голоса сливались в монотонный гул, похожий на пение.

Ольга стояла в стороне, наблюдая. Она знала этот ритуал – сама когда-то проходила через нечто подобное, входя в род мужа. Но тогда было иначе. Тогда она была невестой, а сейчас... сейчас она была создателем.

Батюшка окропил Митяя святой водой, прочитал молитву. Потом ему подали чистые одежды – длинную белую рубаху из тонкого льна, такую же, в какой хоронят.

– Надевай, – велела Ольга. – Ты должен быть чист перед новым рождением.

Митяй надел. Рубаха доходила до пят, рукава свисали ниже кистей. Он чувствовал себя странно – и мёртвым, и новорождённым одновременно.

Женщины выстроились в ряд, каждая подходила, касалась его плеча, шептала благословение. Последней подошла Оленева. Она долго смотрела ему в глаза, потом поцеловала в

лоб.

– Спи спокойно, сынок, – прошептала она. – Завтра проснёшься другим.

Его увели в отдельную комнату, где на лавке уже была постлана свежая солома, накрытая белой простынёй. Ни перины, ни подушки – только жёсткое ложе, как у покойника.

Митяй лёг, закрыл глаза. В голове крутились мысли о мальчике с серыми глазами, о Лизе, о графине, о предстоящем ритуале. Сон не шёл. Но он заставил себя дышать ровно и ждать.

Часть 8. Ритуал усыновления

В доме Оленевой к вечеру собрались женщины рода. Их было немного – соседки, дальние родственницы, старая нянька, помнившая ещё покойного Михаила младенцем. Все в тёмных одеждах, с суровыми лицами. Они смотрели на Митяя с любопытством и недоверием.

В горнице, где обычно проходили семейные торжества, установили большую деревянную лохань. Слуги носили горячую воду, вёдрами, с паром. В углу тлели угли в жаровне, и батюшка, приехавший по вызову графини, разводил ладан.

– Раздевайся, – велела Ольга.

Митяй стянул рубаху, портки, остался голый посреди комнаты. Женщины зашептались, кто-то одобрительно хмыкнул. Он стоял, не прячась, глядя прямо перед собой. Ольга учила его: в такие моменты стыд – лишнее. Это не плоть, это ритуал.

Оленева подошла с длинным полотенцем, сама окунула его в горячую воду, начала обтирать Митяя. Руки её дрожали, но двигались уверенно, будто делали это тысячи раз.

– Смываем старое, – бормотала она. – Смываем чужую кровь, чужую жизнь, чужую мать. Чтобы новый родился, чистый, как младенец.

Женщины подхватили причитания. Их голоса сливались в монотонный гул, похожий на пение.

Ольга стояла в стороне, наблюдая. Она знала этот ритуал – сама когда-то проходила через нечто подобное, входя в род мужа. Но тогда было иначе. Тогда она была невестой, а сейчас... сейчас она была создателем.

Батюшка окропил Митяя святой водой, прочитал молитву. Потом ему подали чистые одежды – длинную белую рубаху из тонкого льна, такую же, в какой хоронят.

– Надевай, – велела Ольга. – Ты должен быть чист перед новым рождением.

Митяй надел. Рубаха доходила до пят, рукава свисали ниже кистей. Он чувствовал себя странно – и мёртвым, и новорождённым одновременно.

Женщины выстроились в ряд, каждая подходила, касалась его плеча, шептала благословение. Последней подошла Оленева. Она долго смотрела ему в глаза, потом поцеловала в лоб.

– Спи спокойно, сынок, – прошептала она. – Завтра проснёшься другим.

Его увели в отдельную комнату, где на лавке уже была постлана свежая солома, накрытая белой простынёй. Ни перины, ни подушки – только жёсткое ложе, как у покойника.

Митяй лёг, закрыл глаза. В голове крутились мысли о мальчишке с серыми глазами, о Лизе, о графине, о предстоящем ритуале. Сон не шёл. Но он заставил себя дышать ровно и ждать.

Часть 9. Вручение метрики

Пока Митяй приходил в себя после ритуала, нотариусы уже разложили на столе бумаги. Один из них, сухой старичок в очках, взял чистый лист гербовой бумаги и начал выводить витиеватым почерком:

«Лета 7090-го от сотворения мира, месяца генваря, 15-го дня, мы, нижеподписавшиеся, при свидетелях...»

Перо скрипело, выводя затейливые завитки. Второй нотариус сверялся с образцами, кивал. Батюшка подошёл к другому столу, где лежали церковные книги в тяжёлых кожаных переплётах. Он раскрыл одну из них, перелистал пожелтевшие страницы, нашёл нужную запись.

– Михаил Дмитриевич Оленин, – прочитал он вслух, водя пальцем по строкам. – Рождён лета 7071-го... крещён... преставился лета 7090-го...

Он поднял глаза на графиню.

– Записываем задним числом, как договаривались?

– Именно, – кивнула графиня. – Без указания точной даты рождения. Только год и место. Чтобы метрика нового сына

совпадала с данными покойного. Пусть для мира он будет рождён тогда же.

Батюшка кивнул, обмакнул перо и начал заполнять новую запись в церковной книге. Ровным, каллиграфическим почерком он вывел: *«Дмитрий, сын Екатерины Дмитриевны Оленевой, рождён в лето 7071-е...»* – и далее место рождения, то же, что и у покойного Михаила.

Нотариус тем временем выводил документ об усыновлении. Слова ложились на бумагу торжественно и неумолимо: *«...признаётся сыном и законным наследником... вступает во все права и обязанности... отныне и навечно именуется Дмитрием Олениным...»*

В горнице стояла тишина, нарушаемая только скрипом перьев и потрескиванием свечей. Женщины рода замерли у стен, наблюдая за таинством бюрократии. Для них это было не менее важно, чем сам ритуал – бумага закрепляла то, что свершилось в мистическом действе.

Через час всё было готово. Батюшка освятил готовые документы, окропил их святой водой из серебряной чаши. Нотариус поставил тяжёлую сургучную печать с гербом, приложил свою подпись размашистым росчерком. Второй нотариус засвидетельствовал. Свидетели – графиня, Ольга, старая нянька и две соседки – расписались в отведённых графах.

Оленева взяла готовые бумаги дрожащими руками. Она смотрела на них сквозь слёзы, не в силах вымолвить ни слова. Потом медленно подошла к Митяю, всё ещё стоявшему

посреди комнаты в белой ритуальной рубаше.

– Ты теперь мой сын, – произнесла она, и голос её дрогнул, но она справилась. – Дмитрий Оленин. Живи с этим именем. Пусть оно принесёт тебе счастье, которого не досталось моему Мишеньке.

Она вручила ему бумаги. Тяжёлый лист гербовой бумаги, пахнувший чернилами и сургучом, лёг в его ладони. Митяй опустил взгляд и прочитал: *«Дмитрий Оленин, сын Екатерины Дмитриевны Оленевой, рождён в лето 7071-е...»* Далее шли печати, подписи, вязью расползлся текст, утверждающий его новую жизнь.

И в этот момент его накрыло. Остро, до боли, до холодка под ложечкой он осознал: Митяя больше нет. Того парня, что родился в избе у Анисьи, что пас овец, что стоял в бане, обслуживая девок, что дрался с нечистью, что любил Ольгу и Лизу, – его больше не существует. Бумага не помнит правды. Бумага помнит только то, что на ней написано. А на ней написано, что он – дворянин, граф, сын вдовы Оленевой, родившийся восемнадцать лет назад и никогда не бывший крестьянином.

В голове шумело. Перед глазами мелькнуло лицо матери – настоящей матери, Анисьи. Узнает ли она его теперь? Сможет ли обнять? Или для неё он тоже станет чужим?

– Спасибо, – выдохнул он, глядя на Оленеву. – Я... я постараюсь быть достойным.

Она обняла его, прижалась мокрой щекой к его груди. Её

плечи вздрагивали, но она не плакала в голос – только беззвучно тряслась, вцепившись в него. Митяй неловко погладил её по спине, не зная, что ещё сказать.

– Ну всё, – графиня хлопнула в ладоши, и звук этот прозвучал как выстрел. – Обряд окончен. Все молодцы, все свободны. Екатерина Дмитриевна, вам бы отдохнуть.

Оленева отстранилась, вытерла слёзы рукавом, попыталась улыбнуться.

– Да-да, конечно. Я... я пойду.

Её увели под руки. Женщины рода начали расходиться, перешёптываясь и бросая на Митяя любопытные взгляды. Нотариусы собирали бумаги, прятали печати в футляры. Батюшка гасил свечи.

Митяй стоял, сжимая в руках метрику, и смотрел на огонь в камине. Ольга подошла, встала рядом, молча положила руку ему на плечо.

– Поздравляю, граф, – тихо сказала она. – Ты сделал это.

– А теперь? – спросил он, не оборачиваясь.

– А теперь, – вмешалась графиня, подходя с другой стороны, – теперь тебе нужно подготовиться к следующему этапу. Сегодня ночью ты умрёшь снова. Для этого рода. Чтобы освободиться от него навсегда.

Митяй медленно повернулся, посмотрел на неё. В её глазах не было жестокости – только спокойная уверенность.

– Я готов, – ответил он. – Делайте что нужно.

Часть 10. Ритуал смерти для рода Олениных

Ночь выдалась тёмная, безлунная. В доме Оленевой горели только свечи – много свечей, расставленных повсюду. Женщины рода собрались снова, но теперь они были в чёрном. В руках у некоторых – зажжённые лучины, у других – венки из сухой полыни. Пахло ладаном и ещё чем-то горьким, погребальным.

Митяя, всё ещё в той же белой рубахе, подвели к гробу. Гроб стоял в центре горницы на двух дубовых табуретах – простой, сосновый, сколоченный наспех, но выстланный изнутри белоснежным полотном. В изголовье горела толстая восковая свеча.

– Ложись, – тихо, но властно велела Ольга. – И не двигайся. Что бы ни происходило, что бы ни слышал – не открывай глаза, не шевелись. Это твоя смерть, Митяй. Пройди её достойно.

Митяй лёг. Доски гроба давили на спину, рубаха липла к телу. Женщины положили ему на грудь сложенные руки, вложили в пальцы тонкую восковую свечу – холодную, как лёд.

Женщины запели. Теперь это был не ритуальный напев, а настоящий плач – протяжный, тоскливый, от которого мороз продирает по коже, а волосы встают дыбом. Они оплакивали его. Оплакивали как Митяя, сына Анисьи, того, кого больше нет.

– Прощай, Митяй, – причитала старая нянька, та самая, что помнила покойного Михаила. – Прощай, сиротинушка.

Уходишь ты от нас, не вернёшься никогда...

– Чужой ты нам теперь, чужой, – вторила ей другая, молодая, с чёрными глазами. – Новое имя взял, новую жизнь начинаешь. А мы тебя помнить будем, покуда живы...

Голоса переплетались, создавая невыносимо щемящий хор. Плач становился то громче, то тише, как дыхание умирающего. Митяй лежал, стараясь не дышать слишком громко, но слёзы сами катились из глаз, щекотали виски, затекали в уши. От голосов, от ладана, от горького запаха полыни – и от понимания, что это правда. Он уходит. Тот прежний Митяй, который родился в избе у матери, который пас овец, который терпел побои отчима, который стоял в бане с девушками, считая доски, – его больше нет. Есть только это тело в гробу, эти женщины, оплакивающие его, и пустота внутри.

Время тянулось бесконечно. Казалось, прошла уже вечность, а может, только начало ночи. Женщины пропели всю ночь напролёт, не смыкая глаз. К рассвету голоса охрипли, стали тише, почти шёпотом. За окнами начало сереть.

Гроб подняли. Митяй чувствовал, как его несут, как покачивается доска под спиной, как холодный утренний воздух проникает под неплотно прилегающую крышку. Шаги женщин хрустели по снегу. Потом остановились. Крышку сняли.

Холод ударил в лицо. Митяй открыл глаза. Над ним – серое, предрассветное небо, по краям алеет заря. Вокруг, полукругом, стояли женщины рода Олениных, все в чёрном, с бледными лицами и воспалёнными глазами. За ними – бес-

крайнее снежное поле, а вдалеке – тёмная стена леса.

– Вставай, – произнесла Ольга.

Митяй сел в гробу. Белая рубаха, влажная от пота, противно прилипла к телу. Он перешагнул через край, спрыгнул в снег. Босые ноги обожгло ледяным холодом, но он не обратил внимания – всё тело горело изнутри.

– Сними саван, – велела Ольга.

Он стянул рубаху через голову, отбросил в сторону. Остался голый на морозе. Женщины смотрели не отрываясь, и в их взглядах не было стыда – только торжественность момента. Кто-то подал ему тёплую одежду – шерстяные порты, чистую рубаху, тулуп, валенки. Митяй оделся, чувствуя, как возвращается тепло.

Когда он поднял голову, женщины подходили по очереди. Каждая касалась его плеча и шептала:

– Живи свободным.

– Живи свободным.

– Живи свободным.

Слова падали в душу, как капли растопленного воска.

Последней подошла Оленева. Она уже не плакала – только смотрела сухими, воспалёнными глазами, в которых застыла бесконечная усталость.

– Ты теперь не мой сын, – сказала она тихо, но твёрдо. – Ты прошел через смерть и освободился. Ты свободен от моего рода, от моей власти, от моего имени. Иди своей дорогой, Дмитрий. Живи.

Митяй поклонился ей в пояс – низко, как кланяются матери. Развернулся и пошёл к саням, где его ждали графиня и Ольга. Не оборачивался.

На следующий день, когда все отдохнули после бессонной ночи, Оленева пригласила графиню в свой кабинет. Там, в присутствии тех же нотариусов, дрожащей рукой она подписала дарственную на свои земли.

– Поскольку Дмитрий мёртв для моего рода, – пояснила она, глядя куда-то в сторону, – он не может наследовать. Пусть земля перейдёт к тебе, графиня. Ты сумеешь распорядиться ею лучше меня. Да и Дмитрий... он будет управлять ею как твой человек. Так правильно.

Графиня приняла документ, бережно спрятала в саквояж.

– Ты не пожалеешь, Екатерина Дмитриевна. Твои земли будут в надёжных руках. И ты всегда сможешь приезжать, жить здесь, если захочешь. Дмитрий будет рад видеть тебя.

Оленева кивнула, но в глазах её не было радости. Только усталость, опустошение и какое-то странное облегчение – словно она завершила тяжёлый, давно начатый путь.

В тот же день они уехали. Митяй – теперь уже окончательно Дмитрий – сидел в карете, сжимая в кармане метрику на новое имя. За окном проплывали снежные поля, деревни, где по улицам бегали ребятишки. Где-то там были и его дети – те, о которых он пока не мог заявить. Он знал, что когда-нибудь вернётся к ним. Но не сейчас.

– Ну что, Дмитрий? – спросила Ольга с лёгкой усмешкой,

в которой пряталась усталость. — Каково это — родиться, умереть и снова воскреснуть за два дня?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В глазах его была глубокая, спокойная усталость человека, прошедшего через ад и вышедшего из него другим.

— Странно, — ответил он тихо. — Но, кажется, я начинаю привыкать.

Графиня, сидевшая напротив, усмехнулась и покачала головой.

— Это только начало, Дмитрий Оленин. Только начало.

Карета катила дальше, увозя его от одного прошлого к другому — от мёртвого имени к живому, от сына к мужу, от бычка к хозяину. Впереди была Лиза, гарем, охота на нечисть и, может быть, что-то ещё, о чём он пока не догадывался.

Но это уже совсем другая история.

ГЛАВА 2: Удочерение Лизы

Часть 11.1. Свобода и оковы

Карета мерно покачивалась, унося их от имения Оленевой. За окном тянулись бескрайние снежные поля, кое-где перечеркнутые чёрными лентами просёлков. Митяй – нет, уже Дмитрий Оленин – сидел, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел в одну точку. В руке он всё ещё сжимал метрику, только что полученную от Оленевой. Бумага, надлежащим образом заверенная, с печатями и подписями, свидетельствовала: он – дворянин, владелец земель. По крайней мере, юридически.

Но странное дело – внутри было пусто. Не то чтобы разочарование, нет. Скорее, ощущение, что он стоит на распутье и может выбрать любую дорогу.

Графиня дремала, укутавшись в соболью шубу. Ольга смотрела в окно, задумчиво покусывая губу. Дмитрий знал, что она наблюдает за ним краем глаза, но не подавал виду.

Мысли текли медленно, как патока. Он вспомнил ритуал смерти. Как лежал в гробу, слушая причитания женщин. Как встал на рассвете голый на снегу, чувствуя, что прежний Митяй действительно умер. А новый Дмитрий... кто он? Что он может?

Он вдруг отчётливо осознал: сейчас он абсолютно свободен. Графиня думает, что держит его на крючке, но это не

так. Он не подписывал никаких обязательств, кроме тех, что сам решил принять. Оленева дала ему имя, но не власть над ним. Ритуал смерти разорвал последние нити, связывавшие его с её родом. Формально он – никем не привязанный дворянин. Может уйти куда угодно.

Например, в армию. С его навыками, с его даром, с его опытом охоты на нечисть – там он быстро сделает карьеру. Полк, война, слава... Почему бы и нет? Он молод, силён, ничего не боится. Можно уехать на границу, рубиться с врагами, забыть все эти интриги, гаремы, женские игры.

Или стать разбойником. Вольным человеком, который сам себе хозяин. Уйти в леса, собрать ватагу таких же отчаянных – благо, бастардов по губернии хватает. Грабить богатых, защищать бедных. Легенда, а не жизнь.

А можно просто исчезнуть. Уехать куда-нибудь за тридевять земель, наняться в работники к какому-нибудь купцу, жить тихо и незаметно. Жениться на простой девушке, нарожать детей, состариться в покое.

Никто не держит. Графиня, конечно, рассердится, но что она сделает? Искать по всей губернии? У неё нет на это ресурсов. Ольга... Ольга поймёт. Она всегда понимала.

Но тут перед глазами встали другие лица.

Мать. Анисья. Старая, усталая, с мозолистыми руками. Она сейчас живёт в поместье Ольги, в тепле и достатке. Её не бьют, не гонят на работу, кормят досыта. Она впервые в жизни не знает нужды. Если он исчезнет – что с ней станет? Оль-

га, конечно, не выгонит старуху, но всё же... Анисья привязана к нему, ждёт его писем, гордится им. Лишиться этого?

А старший брат, Яким? Тот самый, что когда-то прошёл ритуал изверга и ушёл в другой род. Ольга пристроила его приказчиком к богатому купцу. Теперь у него своё дело, дом, семья. И всё это благодаря тому, что Дмитрий – в фаворе у графини. Если Дмитрий уйдёт – связи порвутся, купец может и отказать.

Сёстры? Они в Зеленухе стали видными женщинами. Одна замужем за старостой, другая держит лавку. Им тоже перепадает от щедрот графини.

А бастарды? Те мальчишки с серыми глазами, что бегают по деревням. Они пока не знают, кто их отец, но когда-нибудь узнают. И если он будет графом, хозяином губернии, он сможет им помочь, дать образование, вывести в люди. А если он сбежит – они так и останутся никому не нужными отбросами.

Дмитрий сжал кулаки. Вот она, цена свободы. Можно уйти, стать вольным, но тогда все эти люди, связанные с ним, рухнут обратно в нищету и безвестность. А он, сильный и свободный, будет жить с этим грузом на совести.

– Тяжело? – тихо спросила Ольга, не поворачивая головы.

– Думаю, – ответил он.

– О чём?

– О том, что могу всё бросить. Прямо сейчас. Выйти на следующей станции и уйти в лес. И никто не найдёт.

Ольга медленно повернулась, посмотрела ему в глаза. В её взгляде не было осуждения – только понимание.

– Можешь, – согласилась она. – Но не уйдёшь.

– Почему ты так уверена?

– Потому что я тебя знаю, Митяй. Ты не такой. Ты не сможешь бросить мать, брата, сестёр. И тех мальчишек, что ты видел в деревне. Я заметила, как ты на них смотрел.

Он отвернулся к окну.

– Значит, нет у меня свободы, – глухо сказал он.

– Свобода есть всегда, – возразила Ольга. – Но она не в том, чтобы убежать. Свобода – в том, чтобы выбрать свой путь и идти по нему, даже если этот путь тебе навязали. Ты можешь принять свою судьбу и сделать её своей. Это и есть настоящая свобода.

– Философия, – усмехнулся он.

– Жизнь, – поправила Ольга. – Ты не один, Дмитрий. У тебя есть Лиза. У тебя есть я. У тебя есть графиня, которая, как тебе кажется, тобой манипулирует, но на самом деле даёт тебе возможность стать кем-то. Не бычком, не инструментом – хозяином. Настоящим.

Он молчал долго. Карета катилась дальше, за окном уже темнело.

– Я поговорю с Лизой, – сказал он наконец.

– Поговори, – кивнула Ольга. – Она тоже должна знать.

Часть 11.2. Разговор с Лизой

В усадьбу графини вернулись поздним вечером. Лиза

ждала на крыльце, кутаясь в шаль. Увидев Дмитрия, она бросилась к нему, обвила руками шею, прижалась всем телом.

– Вернулся, – прошептала она. – Я так боялась...

– Всё хорошо, – он гладил её по спине, чувствуя, как дрожит. – Я здесь. И я теперь Дмитрий Оленин.

Она отстранилась, заглянула в глаза.

– Ты другой. Что-то случилось?

– Случилось. Много всего. Надо поговорить.

Они прошли в её покои. Лиза зажгла свечи, разожгла камин. Дмитрий сел в кресло, устало вытянул ноги. Она прилестилась на подлокотнике, положив голову ему на плечо.

– Рассказывай, – попросила она.

И он рассказал. Всё. О ритуалах, о смерти и рождении, о мальчике с серыми глазами в деревне. И о том, что пришло ему в голову в карете – о свободе, о побеге, о выборе.

– Я мог бы всё бросить, – закончил он. – Уйти в леса, в армию, куда угодно. Стать вольным. Но тогда... тогда мать, брат, сёстры, все эти дети – они останутся ни с чем. А я буду жить и знать, что бросил их.

Лиза слушала молча, не перебивая. Только гладила его по руке.

– И что ты решил? – спросила она тихо.

– Не знаю. Потому и говорю с тобой.

Она помолчала, потом заговорила сама. Голос её дрожал, но слова были твёрдыми:

– А знаешь, я тоже об этом думала. Каждую ночь, пока

тебя не было. Лежу и представляю: а если бы мы сбежали? Вдвоём, тайно, ночью. Уехали бы куда-нибудь далеко, где нас никто не знает. Сняли бы маленький домик, завели хозяйство. Ты бы работал, я бы детьми занималась. Просто, бедно, но своё. Никаких гаремов, никаких правил, никакой графини.

Дмитрий повернулся, посмотрел на неё удивлённо:

– Ты бы хотела?

– Мечтала, – призналась она. – Каждую ночь мечтала. Представляла, как мы просыпаемся вместе, как ты уходишь на работу, как я жду тебя с ужином. Как дети бегают по двору, простые, счастливые...

Голос её сорвался. Она уткнулась лицом ему в плечо.

– А потом... потом я вспоминаю, что такое бедность. Я же приживалкой была. Я знаю, что значит мёрзнуть зимой, потому что дров не хватило. Знаю, что значит голодать, когда денег нет даже на хлеб. Знаю, что значит смотреть на чужих детей в богатых одеждах и понимать, что твои так никогда не оденутся.

Она подняла голову, в глазах блестели слёзы:

– Я не хочу этого для наших детей, Дмитрий. Пусть у них будет всё. Пусть они никогда не узнают, что такое нищета. Пусть у них будут лучшие учителя, лучшие платья, лучшие лошади. А для этого... для этого нам нужно играть по их правилам.

– Но гарем... – начал он.

– Я знаю, – перебила она. – Мне тоже это ненавистно. Мысль о том, что ты будешь с другими... что каждая из них родит тебе ребёнка... Это разрывает мне сердце. Но если я сейчас откажусь, если мы сбежим – мы обречём наших детей на ту же жизнь, что была у меня. На унижения, на нужду, на вечный страх.

Она взяла его лицо в ладони, заставила смотреть себе в глаза:

– Послушай меня. У нас нет другого выхода. Только вперёд. Мы должны стать сильными. Ты – графом, я – матриархом. Мы должны взять эту власть, этот гарем, эти земли – и использовать их, чтобы защитить тех, кто нам дорог. Твою мать, твоего брата, твоих сестёр. И наших будущих детей.

– А мы? – спросил он тихо. – Что будет с нами?

– Мы будем вместе, – твёрдо сказала она. – Всегда. Что бы ни случилось, у нас есть друг друг. Эти другие – просто сосуды. Ты будешь приходить ко мне, и я буду знать, что ты мой. Только мой. А они... они будут рожать, и мы вырастим их детей как своих. И через двадцать лет вся губерния будет нашей.

Дмитрий смотрел на неё и видел, как она меняется прямо на глазах. Из робкой девочки, какой он её помнил, рождалась женщина, готовая на всё ради своей семьи. Жёсткая, решительная, сильная.

– Ты изменилась, – сказал он.

– Ты тоже, – ответила она. – Мы оба изменились. И это

правильно. Иначе мы не выживем.

Он притянул её к себе, поцеловал долгим, крепким поцелуем. В этом поцелуе было всё – и любовь, и горечь, и решимость.

– Хорошо, – сказал он, отстранившись. – Значит, будем играть по их правилам. Но знай: я делаю это ради тебя. Ради наших детей. Ради матери. А не ради графини.

– Я знаю, – прошептала Лиза. – И я с тобой. Всегда.

За окном выл ветер, в камине потрескивали дрова. Они сидели обнявшись, глядя на огонь, и каждый думал о своём. Но думали они об одном – о будущем, которое уже стояло на пороге и не спрашивало, готовы ли они.

– Завтра, – сказал Дмитрий. – Завтра начнётся новая жизнь.

– Да, – кивнула Лиза. – Завтра.

Она прижалась к нему крепче, и в этом жесте было столько доверия и любви, что у него защемило сердце. Он обнял её в ответ и подумал: что бы ни случилось, она у него есть. А значит, всё будет хорошо.

Часть 12. Разговор графини с Лизой

После ужина графиня пригласила Лизу в свои покои. Это был не просто будуар – настоящая сокровищница родовой памяти. Стены обиты тёмно-бордовым штофом, повсюду портреты предков в тяжёлых рамах, на этажерках – фарфоровые безделушки, шкатулки, миниатюры. В камине весело потрескивал огонь, бросая золотистые блики на ковёр.

Графиня сидела в кресле у камина, укутавшись в шаль. При виде Лизы указала на соседнее кресло.

– Садись, девочка. Разговор будет долгий.

Лиза села, сложив руки на коленях, стараясь унять дрожь. Графиня долго смотрела на неё, потом заговорила:

– Ты знаешь, кто ты?

– Я... Лиза, – растерянно ответила та. – Приживалка...

– Нет, – перебила графиня. – Ты моя кровь. В тебе течёт та же кровь, что и во мне. Твой отец был моим двоюродным братом. Вы с моими детьми – родня. Просто судьба распорядилась так, что ты выросла в бедности.

Лиза молчала, боясь поверить. В горле застрял ком, а сердце колотилось где-то в ушах.

– Я стара, – продолжала графиня, и в голосе её впервые послышалась усталость. – Мои сыновья ушли в другие роды. Дочь... ты знаешь её историю. Роду моему грозит исчезновение. Но ты здесь. Ты молода, здорова, чиста. И ты любишь Дмитрия, который теперь стал Олениным.

– Люблю, – прошептала Лиза, и это слово вырвалось само, без усилия.

– Это хорошо. Любовь – великая сила. Но одной любви мало. Нужна власть. Нужно имя. Нужен статус. И я хочу дать тебе всё это.

Графиня поднялась, подошла к старинному секретеру красного дерева, достала небольшую шкатулку, инкрустированную перламутром. Открыла – внутри на бархатной поду-

щечке лежал массивный перстень с тёмно-красным камнем, почти чёрным в свете свечей.

– Это родовой перстень Вронских. Его носили моя мать, бабушка, прабабушка. Он впитывал их силу, их мудрость, их власть. Теперь он достанется тебе.

Лиза смотрела на перстень, не в силах вымолвить ни слова. Камень, казалось, пульсировал тёмным огнём, притягивал взгляд.

– Завтра в домовой церкви состоится ритуал удочерения, – сказала графиня, закрывая шкатулку и ставя её на столик между ними. – Ты станешь моей официальной дочерью, наследницей всего, чем я владею. После моей смерти – а это случится нескоро, не надейся, – всё перейдёт к тебе. Имя, земли, состояние. И гарем, который мы создадим.

– Гарем... – повторила Лиза, и голос её дрогнул. Внутри всё сжалось от этого слова.

– Да, гарем, – твёрдо сказала графиня, и взгляд её стал жёстким, как лезвие ножа. – Дмитрий будет твоим мужем, но он же будет и осеменителем рода. Другие женщины будут рожать ему детей, а ты будешь править ими. Ты станешь матриархом, Лиза. Не просто женой – хозяйкой. Матерью всех его детей, даже тех, кто родится не от тебя.

Лиза опустила голову, пряча глаза. Внутри всё боролось – страх перед неизвестностью, ревность, которая жгла сердце, и странная, пугающая гордость от того, что ей предлагают такую роль.

– Я... я не знаю, смогу ли... – прошептала она.

– Сможешь, – перебила графиня, и в голосе её зазвенела сталь. – Ты сильнее, чем думаешь. В тебе моя кровь, кровь женщин, которые веками правили этими землями. И Ольга тебя научит. Она знает толк в воспитании. А пока – просто прими свою судьбу. Другого пути у тебя нет. Ни у тебя, ни у Дмитрия, ни у ваших будущих детей.

Лиза подняла голову, посмотрела на графиню. В уголках глаз старухи блеснули слёзы – или показалось? – но голос оставался твёрдым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.